

**ФЕМИНИТИВЫ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА»
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. Н. УШАКОВА****Щербакова Н. Н.**

Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-7242-8723>

SPIN-код: 6355-3510

А н н о т а ц и я. В статье дан анализ структурно-семантических и стилистических особенностей феминитивов, зафиксированных в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Цель исследования состояла в том, чтобы выявить принципы отбора новых слов, возникших в русском языке начала XX века. Полученный методом сплошной выборки языковой материал был проанализирован с учетом их деривационных и семантических особенностей. В результате анализа было установлено, что пополнение группы феминитивов в начале XX века осуществляется за счёт новообразований, связанных с профессиональной и общественной деятельностью женщины за счет преимущественного использования исконно русских словообразовательных средств. Такое словообразовательное значение, как «жена лица, названного мотивирующей основой» у неологизмов не зарегистрировано. Анализ судьбы некоторых феминитивов показывает, что словообразовательная структура слова серьёзно влияет на его судьбу в литературном языке. Эта тенденция действует и в русском языке начала XXI века, однако в словообразовательной структуре современных феминитивов наблюдается ещё и тенденция к сокращению количества суффиксальных морфем, которые используются для создания феминитивной лексики: носители языка стремятся создавать феминитивы при помощи единственной морфемы – суффикса *-к(а)*. Широкая система помет, сопровождающих в словаре лексику, называющую женщин, показывает, что в начале XX века категория феминитивности не столько активизируется, сколько формируется. Анализ структурно-семантических и стилистических особенностей и системы помет свидетельствует о том, что критериями отбора лексики для словаря стали количественные и качественные показатели употребления слова в языке эпохи. Количественные связаны с частотностью употребления слова, а качественные – с соблюдением литературной нормы. Эти ориентиры позволили составителям словаря избежать включения в его состав заведомо неудачных образований.

Ключевые слова: толковый словарь; феминитивы; морфемная деривация; словообразовательная структура; помета

Для цитирования: Щербакова, Н. Н. Феминитивы в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова / Н. Н. Щербакова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 165–177. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-165-177.

**FEMINITIVES IN THE “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE”
EDITED BY D. N. USHAKOV****Natalia N. Shcherbakova**

Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-7242-8723>

Abstract. The article analyzes the structural, semantic and stylistic features of the feminitives recorded in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” edited by D. N. Ushakov. The aim of the study is to identify the principles of selection of new words that emerged in the Russian language in the early 20th century. The language material obtained via the continuous sampling method is analyzed taking into account the derivational and semantic features. It has been found as a result of the analysis that the replenishment of the group of feminitives in the early 20th century is carried out by way of neoderivation associated with the professional and social activity of women due to the predominant use of the native Russian word-forming means. Such a word-forming meaning as “the wife of the person named by the motivating stem” has not been registered among neologisms. The analysis of the historical development of some feminitives shows that the word-forming structure of a word seriously affects its usage in the literary language. This trend is also valid in the Russian language of the early 21st century, however, in the word-forming structure of modern feminitives, there is also a tendency to reduce the

number of suffixal morphemes that are used to create feminitive vocabulary: native speakers tend to produce feminitives using a single morpheme – the suffix *-k(a)*. A wide system of notes accompanying the words nominating women in the dictionary shows that at the beginning of the 20th century, the category of feminitives was more likely to be formed than activated. The analysis of the structural, semantic and stylistic features and the system of notes indicates that the criteria for the selection of vocabulary for the dictionary include quantitative and qualitative indicators of the word usage in the language of that time. Quantitative indicators are related to the frequency of the word usage, and qualitative ones are associated with compliance with the literary norm. These benchmarks allowed the authors of the dictionary to avoid the inclusion of saliently unsuccessful formations.

Keywords: explanatory dictionary; feminitives; morphemic derivation; word-formation structure; dictionary note

For citation: Shcherbakova, N. N. (2023). Feminitives in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 165–177. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-165-177.

Введение

Время доказало, что «Толковый словарь русского языка», созданный коллективом ученых под редакцией Д. Н. Ушакова стал, по справедливому утверждению исследователей этого легендарного лексикографического источника, бесспорным шедевром, хотя, как известно, он создавался в очень непростое время, все тяготы которого пришлось испытать и создателям словаря, выдержавшим не просто критику показанных в данном лексикографическом источнике подходов, но и откровенную клевету со стороны весьма влиятельных научных и политических кругов. С одной стороны, авторов критиковали за наличие в словнике элементов жаргонных и просторечных элементов, а с другой – за то, что он слабо отражает лексику революционной эпохи [Левашов 1998; Никитин 2004; Никитин 2006; Никитин 2012; Никитин 2016а; Никитин 2016б]. К счастью, редактору словаря, проявившему верность подлинным научным ценностям, удалось отстоять позиции научного коллектива, а в результате русская лексикография пополнилась источником, важность которого трудно переоценить.

Особую актуальность для современного исследователя русского языка этот ценный лексикографический источник имеет по многим причинам, среди которых выделим создание словаря в переломный период жизни российского общества, что потребовало не только фиксации новых слов, но и тщательного отбора и квалификации языкового материала эпохи. Словарь, изданный во второй половине 30-х годов XX столетия, стал первым серьезным изданием, отразившим через лексику те изменения,

которые произошли в общественной жизни страны. Одним из важнейших изменений стало активное вовлечение женщины в общественную деятельность и трудовую жизнь страны. Проводимый в стране курс на обеспечение подлинного равноправия женщины, естественно, отразился в появлении целого пласта новых слов, которые относятся к лексике, получившей в современной лингвистике название *феминитивы* или *феминативы* [Баданина 2017; Беркутова 2018; Лаппо, Малиновская 2020; Лебедева 2023]. Нельзя сказать, чтобы данная группа слов не вызывала интереса исследователей до XXI столетия. Так, создатели «Русской грамматики», описывая словообразовательную систему русского языка, выделяют особые существительные с модификационным значением женскости, однако в эту группу включены весьма разнородные по семантическим характеристикам лексемы: «Модификационным значением женскости обладают: а) существительные со значением лица женского пола, мотивированные существительными женского рода со значением лица; слова этой группы могут иметь также значение «жена лица, названного мотивирующим словом»; б) названия самок животных, мотивированные названиями животных» [Русская грамматика 1980 т. 1: 200]. Термин *феминитив* имеет более узкое содержание, включая в состав только первую из указанных выше групп, т. е. это наименования лиц женского пола, образованные при помощи суффиксальных морфем от наименований лиц мужского пола. Однако состав феминитивов не ограничивается суффиксальными дериватами, поскольку «феминитивы – это любые слова, обозначающие

женщин, в том числе и производные, образованные от мужского коррелята» [Шкалик, Нагорная 2022: 71]. Данное определение демонстрирует необходимость введения особого термина для указанной группы слов, поскольку она объединяет в составе и производную, и непроизводную лексику.

Отметим, что интерес к исследованию феминитивов вызван спецификой современной языковой ситуации, демонстрирующей запрос общества на их развитие. В фундаментальном исследовании феминитивной лексики, предпринятом Р. Р. Гузаевой, категория феминитивности обоснованно увязывается с понятием языкового сознания коллектива: «Вторичность производных наименований лиц женского пола определяет их маркированность и общую стилистическую сниженность по отношению к номинациям лиц мужского пола. Однако эмоциональная оценка коррелятов в первую очередь зависит от коммуникативно-прагматических условий, в которых они функционируют. В современном медиапространстве феминитивы стали инструментом социального регулирования языка, попыткой влиять на языковое сознание: всплеск продуктивности средств категории феминитивности связан с намеренной репрезентацией женщин в лингвокоммуникативной сфере» [Гузаева 2021: 6]. Ис этим выводом невозможно не согласиться, наблюдая за повышенным интересом общества к данным образованиям и к их использованию в речевой практике.

Обращение к истории развития данной группы слов позволяет увидеть, что она начинает активно пополняться в те исторические эпохи, когда актуализируется вопрос о положении женщины в обществе [Васильева 2016; Захарчук 2021]. При этом на первом этапе наблюдается некоторая неразборчивость в выборе языковых средств без учёта их ассоциативного и стилистического потенциала. Например, анализируя феминитивы, зафиксированные в средствах массовой информации после 1917 года, Н. А. Янко-Триницкая отмечает: «Так велика была потребность в желании назвать утверждающую себя как полноправного гражданина женщину отдельным словом, что оживает и активизируется даже такой суффикс, как *-их(а)*, и с его по-

мощью возникают некоторые слова (которые позже были заменены более удачными, либо утратились без всякого ущерба для языка), например: *наробразиха, завнаробразиха, старшиха, сыпариха, токариха, члениха, шкрабиха, шпиониха* и т. п.» [Янко-Триницкая 1966: 180-181].

В современном русском языке мы также наблюдаем активизацию образования феминитивной лексики. Очевидно, что это явление связано не со стремлением раскрепостить женщину и сделать её полноправным членом общества – эти цели обществом в целом достигнуты, однако тема гендерного равенства определяется теперь иначе: «это важный инструмент репрезентации женщин как референтной группы в условиях окружающей информационной среды. Возросший интерес социолингвистов к изучению гендерной проблематики, дискуссионность образования и употребления феминитивов в медиапространстве являются закономерным итогом усилившейся роли женщины в жизни общества» [Гузаева 2021: 3]. Однако конкретное воплощение этой репрезентации вызывает реакцию бурного (и небеспочвенного) негодования, поскольку такие новообразования, как *архитекторка, блогерка, водителька, мастерка, профессорка* представляются многим носителям русского литературного языка эстетически неуклюжими, а такие, как *водолазка* (женщина-водолаз) или *машинистка* (женщина-машинист), создают нежелательную омонимию с уже имеющимися в языке словами. Очевидно, что не все новые наименования удачны и не все пройдут проверку временем, но сам факт их появления вызывает необходимость их исследования, а кроме того, есть вопросы по поводу их лексикографического описания: стоит ли, например, включать их в словари, и каковы должны быть критерии их отбора. Примечательным представляется заголовок одной из статей, размещенных в независимом интернет-ресурсе «Нож», который заявляет о себе как интеллектуальный журнал о культуре и обществе – «Профессор МГУ предложил не вносить феминитивы в словари ещё 40 лет»¹. Этот

¹ Аскарян А. Профессор МГУ предложил не вносить феминитивы в словари ещё 40 лет // Нож. URL: <https://knife.media/>.

же интернет-ресурс предлагает своеобразное «оружие для поединка» юмористического характера – ссылку на генератор феминитивов под названием «Феминизатор», поскольку, по мнению автора публикации, спор о нужности / ненужности данных образований будет длиться вечно. С этим мнением, кстати, можно только согласиться: существующая в официально-деловом стиле русского языка традиция называть профессии и должности словами мужского рода вряд ли изменится в ближайшем будущем, а именно она создает почву для подобных споров. Парадокс ситуации заключается в том, что борьба за равноправие женщины в профессиональной сфере обернулась на языковом материале не стремлением к унификации наименований, а к сохранению у них гендерной специфики.

Современная ситуация с феминитивами, таким образом, отчасти сходна с той, в которой оказались и создатели нового «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, поэтому опыт работы с языковыми новообразованиями, предложенный ими, безусловно, полезен и для современных создателей словарей, в связи с чем данный лексикографический источник представляет собой актуальный объект для исследования. Выявление принципов отбора феминитивов на основе анализа их структурно-семантических особенностей, а также сопровождающих помет, дающих представление о стилистическом статусе данной лексики, стало целью данной работы. В качестве материала для исследования использовались только производные феминитивы, извлеченные методом сплошной выборки из «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова [ТСРЯ]. Уточним также, что для анализа использовались главным образом феминитивы, характеризующие сферу деятельности женщины: профессию, должность, род занятий. Слова, называющие женщину по особенностям характера, поведения типа *брезгливица*, *грубиянка*, *интриганка*, *плутовка*, *сварливица*, *смутьянка*, *упрямица*, *умница*, *хамка*, *ябедница* и под. анализу в данной статье не подвергались. Поскольку эффективность критериев отбора отчасти может быть проверена жизнеспособностью лексики, использовалось также сравнение лексического значения и стилистической

характеристики единиц, зафиксированных в ТСРЯ и в более поздних лексикографических источниках. Помимо этого, в некоторых случаях использовалось сравнение с материалами современной прессы и художественной литературы, зафиксированными в «Национальном корпусе русского языка» [НКРЯ].

Система помет в ТСРЯ как отражение критериев отбора феминитивов в словник

Разумеется, словарь содержит группу феминитивов, которые не имеют никаких помет, эти слова являются стилистически нейтральными и обозначают устоявшиеся в языке названия женских профессий, например: *актриса*, *бандажистка*, *банщица*, *бараночница*, *баשמачница*, *бегунья*, *булочница*, *буфетчица*, *вафельщица*, *валяльщица*, *весовщица*, *воспитательница*, *издательница*, *переплётчица*, *пирожница*, *повариха*, *проводница*, *продащица*, *скорнячка*, *словесница*, *скотница*, *студентка*, *телятница*, *ткачиха*, *торговка*, *учительница*, *укротительница*, *фокусница*, *шёлкомотальщица*, *чертёжница*, *эсперантистка* и др.

В то же время большая часть феминитивов всё же сопровождается различными пометами, которые отражают критерии отбора лексики в словник.

Говоря о задачах и объёме словаря, авторы предупреждают, что не ставят задачей отражения в нём всех её территориальных или исторических лексических единиц и чётко устанавливают границы и критерии отбора лексем для лексикографического источника: «Он даст объяснение значений слов современного русского литературного языка, причём под литературным языком понимается не собственно язык художественной литературы, но вообще книжная и разговорная речь образованных людей» [ТСРЯ 1935, т. 1: XXI]. Таким образом авторами обозначен первый (и главный) критерий отбора словника в целом, в т. ч. и для отбора феминитивов – опора на языковой вкус образованного сообщества. В связи с поставленной задачей авторы исключают из словника «слова, представляющие собой или плод изобретения авторов в поэтическом языке..., или плод скороспелого сочинительства при неумении общепринятыми словами и сочетаниями их выразить свою мысль» [ТСРЯ 1935, т. 1: XXI]. В данном высказыва-

нии отражён не только указанный выше эстетический критерий, но и критерий употребительности слова в общем языке.

Кроме того, в предисловии к словарю авторы заявляют о том, что не все единицы получили в нём отражение: «выпущены многие такие слова, которые легко образуются и легко понимаются» [ТСРЯ 1935, т. 1: XXI]. В связи с этой установкой можно сделать вывод об особом положении феминитивов, поскольку они подаются в отдельных словарных статьях и толкуются путем отсылочного способа: *анархистка* – «женск. к анархист», *виолончелистка* – «женск. к виолончелист», *певица* – «женск. к певец в 1 знач.», *сборщица* – «женск. к сборщик», *шахматистка* – «женск. к шахматист» и т. д.

Одним из заявленных авторами словаря подходов к дифференциации лексики стала «попытка установить границы употребления слов. С этой целью введена целая система помет» [ТСРЯ 1935, т. 1: XXV]. Одной из них является помета *спец.*, которая используется при характеристике целой группы слов, называющих женщину в связи с её профессиональной деятельностью: *багетчица, библиотекариша, вальцовщица, ватерщица, корсажница, мойщица, разметчица, размотчица, самокладчица, смазчица, смотчица, станочница, трикотажница, укладчица, эквилибристка* и т. д.

При этом в анализируемом лексикографическом источнике для характеристики сферы использования слов, называющих женщину по профессии, используется широкая система помет, которые свидетельствуют о том, что в русском языке первой половины XX столетия категория феминитивности не столько активизируется, сколько формируется. Понятно, что этот процесс подпитывается законами языковой системы, в которой лексические гендерные пары – привычное явление для таких подсистем, как диалекты и просторечие, но литературный язык требует отбора и обоснованного включения слова в лексическую систему. Видимо, с этим связана детализация помет, которые сопровождают наименования женщин в связи с их профессией, интересами или родом деятельности. Авторы словаря указывают, что в нём сознательно не даются узкоспециальные термины. Исключение сделано для тех слов, которые характеризуются широ-

ким проникновением в советскую печать. Указанные соображения увязываются авторами словаря прежде всего с терминами, однако сказанное можно отнести и к феминитивам, которые в тексте словаря обнаруживают такие дифференцирующие пометы, как, например: *горн. (проходчица), искус. (экспрессионистка – «художница, сторонница экспрессионизма»), религ. (баптистка), муз. (арфистка), спорт. (баскетболистка, конькобежица, лыжница, пловчиха), театр. (бенефициантка), тип. (брошюровщица), с.-х. (веяльщица), право (заклѳенная, наследница), церк. (великомученица).*

Как правило, описанная выше характеристика феминитива по сфере употребления наследуется от мотивирующей основы, однако есть и случаи, когда такого совпадения характеристик у слов мужского и женского рода не наблюдается. Так, у существительного *посудник* в значении «рабочий, моющий посуду в буфете, в кухне» есть помета *спец.*, тогда как у феминитива *посудница* мы наблюдаем другую помету – *обл.*, свидетельствующую об отнесении слова к территориально ограниченной лексике. Что же касается феминитива *посудомойка*, которое сейчас используется для обозначения этой должности, то в словаре оно не зафиксировано вовсе, что для современного человека удивительно: ведь именно женщины сейчас обычно занимают эту должность, хотя намечается тенденция к размыванию традиционной гендерной специфики в сфере услуг [Аликина 2021]. Подобные случаи позволяют увидеть смену гендерных приоритетов в выборе некоторых профессий, а кроме того, они обнаруживают и некоторые тенденции в судьбе конкретных феминитивов. В словаре, например, не зафиксировано слова *надомница* при наличии слова *надомник* с пометой *спец.* Для языка эпохи характерна другая пара слов, называющих тех, кто работает на дому: *квартирник – квартирница*, оба они сопровождаются пометой *экон.* Прошедшие с момента выхода словаря Ушакова десятилетия показали, что слово с более яркой внутренней формой оказалось предпочтительным.

Обратимся к анализу помет, определяющих характеристику употребления слова в устной и письменной речи. В словаре они весьма разнообразны. Из помет,

характеризующих феминитивы устной речи, в исследованном материале обнаружены такие, как *разг.*, *простореч.*, *обл.* Феминитивы при этом могут наследовать окраску мотивирующей основы. Так, например, разговорными являются оба слова в парах *балетчик – балетчица* – «балерина», *билетёр – билетёрша*, *естественник – «специалист по естественным наукам» – естественница*, *законник – «искусный толкователь законов» – законница*; в парах *пустынник – «отшельник» – пустынноца*, *соотечественник – соотечественница*, *тунядец – тунядка* все слова обозначены в словаре как книжные. Однако нередко в таких случаях производные существительные получают сниженную окраску в отличие от тех слов, от основы которых образованы. Ср., например: *доктор – докторица* (*простореч.*), *маляр – маляриха* (*разг.*), *мельник – мельничиха*, (*обл.*), *председатель – председательница* (*разг.*), *старостиха – старостица* (*простореч.*), *художник – художница* (*разг.*).

Интересно, что у феминитивов, имеющих 2 значения, одно из которых называет женщину по профессии, а второе имеет словообразовательное значение «жена лица, названного мотивирующей основой», стилистическая окраска первого значения, может не совпадать. Так, слово *сторожиха* в значении «жена сторожа» не имеет стилистической пометы, тогда как в значении «женщина-сторож» обозначено как разговорное. У существительного *огородница*, наоборот, «жена огородника» имеет стилистическую помету *разг.*, а обозначение рода занятия обозначено как нейтральное.

Особого внимания требуют пометы, характеризующие время употребления слова в языке. В словаре зафиксированы устаревшие феминитивы, использующиеся в русской классической литературе, для обозначения которых используется пометы *устар.* и *истор.*: *полячка, трудница* – «труженица», *посадница, нахлебница, помазанница, колодница* – «арестантка», *узница, союзница, чемпионесса* – женск. к *чемпион*, *догаресса* – «жена дожа» и др.

Особого внимания заслуживает использование пометы *дореволюц.*: в предисловии к словарю она включена в раздел «Пометы к словам, обозначающим предметы и понятия чуждого быта» [ТСРЯ 1935, т.

1: XXVII- XXVIII], в который включена также помет *загр.* Из этого следует, что данная помета обозначает не столько устаревание слова, сколько отказ от него в силу политических соображений, тем более что такие слова как *баронесса, виконтесса, кронпринцесса, принцесса, самодержица* и подобные невозможно было назвать устаревшими в силу их использования в европейских государствах, окружавших СССР. Некоторые из этих слов отвергаются по причине их использования для негативной характеристики человека: (*жидовка*), осуждаемых в послереволюционном обществе обрядов (*сваха*) или по морально-этическим соображениям (*метресса* – «в буржуазно-дворянском быту – любовница»).

Одно из подобных слов – *чиновница* – зафиксировано в словаре в значении «жена чиновника» и сопровождается пометами *дореволюц. загр.* [ТСРЯ 1940, т. 4: 1277]. Это значение сохраняется у слова и сейчас, однако в последние годы у данного существительного явно сформировалось новое значение – «женщина-чиновник», которое активно используется в современных средствах массовой информации. Приведём примеры его использования, отраженные в газетном подкорпусе НКРЯ:

Чтобы привлечь молодых специалистов в сфере спорта в малые города и села, нужно помочь им с жильем, а именно – ввести единовременную денежную выплату на покупку квартиры или погашение ипотеки. Об этом на третьем Евразийском женском форуме 13 октября сказала министр спорта Калининградской области, пятикратная олимпийская чемпионка по синхронному плаванию Наталья Ищенко. По словам чиновницы, очень важно, чтобы молодые люди видели для себя такие перспективы в спорте [На Евразийском женском форуме призвали ввести выплату молодым тренерам для покупки жилья // Парламентская газета, 2021.10.13];

Одна из высокопоставленных чиновниц в Евросоюзе заявила журналистам, что альянс считает, что соглашение сделает китайский рынок более доступным и предсказуемым для европейских компаний. [ЕС и КНР завершили переговоры по инвестиционному соглашению // Известия, 2020.12.30].

Появление нового значения у данного существительного обусловлено системной организацией группы феминитивов, среди

которых немало полисемантических единиц, которые имеют именно эти 2 значения.

Сравнение материалов ТСРЯ и современной речевой практики показывает также примеры возвращения некогда устаревших слов в активный запас языка с новым значением. Например, у существительного *директриса* в словаре зафиксировано значение «начальница женского учебного заведения», сопровождающееся пометой *древолуц.*, свидетельствующей о том, что во времена создания словаря оно воспринималось как историзм. В толковых словарях более позднего времени, в частности в четырёхтомном «Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой» (далее – СлРЯ) обнаруживаем это слово в качестве стилистически сниженного (разговорного) феминитива к слову *директор* [СлРЯ, т. 1: 401].

Фиксируется в словаре также группа феминитивов, возникшая в языке не ранее 1914 года. Эти существительные сопровождаются пометой *нов.*: *антирелигиозница*, *беднячка*, *внешкольница* – женск. к *внешкольник* («педагог-специалист по внешкольному образованию»), *дошкольница*, *колхозница*, *среднячка* («крестьянка-единоличница»), *общественница* («активная участница общественной жизни»), *пловчиха*, *саботажница*, *ударница*, *частница*, *швейница* и т. д. Решение ввести особую помету для подобных новообразований представляется удачным лексикографическим решением. Эти слова характеризовались частотностью употребления в период работы над словарем, их невозможно было не зафиксировать, но в то же время сложно было в первоначальный период их вхождения в язык говорить, например, о их стилистическом статусе и о перспективах удержаться в течение длительного времени, однако сам факт их включения в словарь свидетельствует о невероятной языковой интуиции составителей: все указанные выше слова, за исключением существительного *среднячка*, фиксируются в словарях, изданных во второй половине XX столетия, в частности, в СлРЯ, причем все они зафиксированы без ограничительных стилистических помет.

Обращение к истории некоторых из этих слов позволяет обнаружить довольно любопытные явления. Так, например, в словаре обнаруживается феминитив *швейница* (нов.) – «работница швейной про-

мышленности». Отметим, что в словаре приведён целый ряд слов, называющих женщину, основное занятие которой – швейное дело, из них 2 даны с пометой *устар.*: *портниха*, *швея* (*устар.*), *швейка* (*разг. устар.*). Как уже было отмечено выше, прошедшее после выхода словаря время показало, что устаревание слова вовсе не отменяет его возможности вернуться в активный словарный состав языка, как это случилось и с существительным *швея*. Интересно, что словарная статья содержит пример явно нового его употребления – *швея-мотористка* [ТСРЯ 1940, т. 4: 1328]. Выбор примера вряд ли можно считать случайным, по-видимому, это также было одно из частотных его употреблений и именно приложение *мотористка* способствовало тому, что слово *швея* не считается сейчас устаревшим [СлРЯ, т. 4: 706]. Сохранилось также стилистически нейтральное существительное *швейница* [СлРЯ, т. 4: 706], однако, судя по данным НКРЯ, оно гораздо реже используется в современной речевой практике по сравнению со словом *швея*. Так, основной подкорпус НКРЯ даёт лишь 1 пример со словом *швейница*, а газетный подкорпус не даёт вообще ни одного примера, тогда как для существительного *швея* обнаруживаются 207 и 359 примеров употребления соответственно. И это при том, что оба подкорпуса демонстрируют паритет в употреблении слова *швейник* (48 и 62 примера соответственно) [НКРЯ]. Очевидно, что феминитив *швейница* постепенно уходит из активной речевой практики, тогда как *швея* активно используется.

Обращение к группе феминитивной лексики позволяет увидеть ещё одно несомненное достоинство словаря, который является достоверным свидетельством связи языка эпохи с жизнью народа, причем это касается не только зафиксированных единиц, но и тех слов, которые, на первый взгляд, могли бы быть включены в словарь. Так, в словаре обнаруживаются слова *электросварщик*, *водолаз* и *машинист*, но таких производных от них, как *электросварщица*, *водолазка* (женщина-водолаз) или *машинистка* (женщина-машинист) нет. На первый взгляд кажется, что этот факт – следствие аккуратности и взвешенности, проявленными создателями словаря в отборе слов и желание избежать омонимии с об-

разования типа *машинистка* (секретарь) и *водолазка* (тонкий свитер с высоким воротником). Однако в этой ситуации, скорее всего, «виновата» не столько омонимия, сколько отсутствие женщин в этих тяжёлых для них физически профессиях в тот период, когда шла работа над словарём. Обращение к историческим фактам подтверждает этот вывод. Так, первые женщины, которым было доверено водить поезда появились только в 30-х годах XX века¹, а женщины-водолазы – ещё позже, только в годы Великой Отечественной войны². Потенциал языковой системы в принципе не препятствовал возникновению подобного деривата, не случайно мы обнаруживаем его в фантастическом тексте, созданном И. А. Ефремовым в 1956 году:

– *Минуту еще, Мишко! Как же женщины-водолазки? - Художник полюбил водолазку и поселился навсегда среди племени* (Ефремов. Туманность Андромеды) [НКРЯ].

Обращает на себя внимание в данном случае факт первоначального ввода слова в текст как приложения к существительному *женщина*. Это явно сделано автором с целью предотвращения непонимания слова. В дальнейшем тексте оно используется уже самостоятельно.

Словообразовательная специфика феминитивов

Феминитивы известны русскому языку издревле, и в течение столетий выработалась система словообразовательных морфем для их производства, поэтому создателям упомянутого выше «Феминизатора» не нужно было изобретать необходимые деривационные средства. Тем не менее, всякий раз выбор того или иного аффикса сталкивается со спецификой фонетической и лексико-семантической системы русского языка. На морфемном шве могут создаваться нехарактерные для русской языковой системы звуковые сочетания, новое слово может совпасть с уже имеющимся в языке, а кроме того, неудач-

ный выбор суффикса приводит к отнесению слова к такой нелитературной подсистеме русского языка, как просторечие. Всё это требует от создателя словаря не только учёта факта существования слова в языке, частотности его использования в речи, но и умения адекватно оценить деривационные особенности лексической единицы. Анализ словника феминитивов, включённых в «Толковый словарь русского языка», показывает, что эти сложные задачи составители словаря решили блестяще: более 90% интересующих нас образований фиксируются словарями, вышедшими во второй половине XX столетия, что свидетельствует о том, что в лексикографический источник были отобраны жизнеспособные феминитивы. Случайные и откровенно неудачные образования вроде *токариха*, *шкрабиha* или *наробразиha* в словарь не включены вообще.

Некоторые названия весьма распространённых ныне женских профессий представлены в словаре лексико-словообразовательными вариантами, различающимися между собой и в словообразовательном, и в стилистическом отношении. Так, обозначение профессии доярки представлено словами *доильщица* (с.-х) и *доярка* (обл., с.-х.). Спустя почти век после издания словаря на примере этих слов можно констатировать, что у диалектной лексической единицы при благоприятных обстоятельствах есть все шансы стать фактом литературного языка, к тому же стилистически немаркированным. В этом случае, правда, нужно уточнить, что для времени создания словаря существовавшее *доярка* явно не входило в состав группы феминитивной лексики, поскольку обозначало исключительно женскую профессию. Существующее в современном языке обозначение мужчины – *дояр* – в этот период просто отсутствовало, не было и слова *доильщик*. Но словообразовательная модель с использованием суффикса *-к(а)* для формирования феминитива оказалась более продуктивнее чем альтернативные. Кроме того, на выбор варианта могло повлиять и то, что в смежной сфере деятельности использовались пары, созданные именно по данной словообразовательной модели: *коровник* – «рабочий, ухаживающий за коровами» – *коровница*, *скотник* – *скотница* и т. д.

¹ Тихомиров В. Женщина, спасшая Москву // Life.ru: Информационный портал Российской Федерации. URL: <https://life.ru/> (дата обращения: 14.10.2016).

² Шайнудинов Д. Легенда аварийно-спасательной службы Военно-морского флота (к 100-летию АСС ВМФ) / Д. Шайнудинов, Е. Тарануха, М. Гапанюк // Морской сборник. 2020. № 9. С. 11–16.

Данные словаря показывают, что словообразовательная структура феминитива – это серьёзный фактор влияния на его судьбу в литературном языке. Так, у некоторых лексических единиц прослеживается зависимость стилистической окраски от указанного фактора. Например, существительное *наследница* стилистически нейтрально, а *сонаследница* относится уже к юридической сфере, т. е. перемещается в разряд книжных слов; *владелица* нейтрально, а *совладелица*, *домовладелица*, *дачевладелица* попадают в разряд официально-деловой лексики; *работавладелица* также отнесена авторами к книжным словам. Однако словообразовательная модель не гарантирует наличия или отсутствия стилистической или эмоциональной окраски, важнее все же мотивирующая база, она чаще всего и является причиной наличия эмоциональной оценки или отнесения слова к разговорной, книжной или просторечной лексике. Отметим, что сниженная эмоциональная оценка, как правило, ведёт к снижению и стилистического статуса слова, однако так бывает не всегда. Так, у существительного *сводница* обнаруживается книжная помета *офиц.* и помета, свидетельствующая о наличии эмоционально сниженной оценки, – *презр.* Отметим, что обе пометы унаследованы от мотивирующей базы – основы существительного *сводник*.

Анализ словообразовательной структуры феминитивов, включенных в словарь, даёт также представление о продуктивности сложившихся словообразовательных типов, с помощью которых создаются стилистически нейтральные слова, называющие лиц женского пола. Такими являются в подавляющем большинстве случаев феминитивы, которые образованы при помощи суффикса *-к(а)* и создают слова, называющие женщину по национальному или религиозному признаку, а также по месту жительства: *азиатка*, *австриячка*, *башкирка*, *бедуинка*, *белоруска*, *буддистка*, *вотячка*, *гилячка*, *голландка*, *землячка*, *еврейка*, *казашка*, *калмычка*, *кумычка*, *полька*, *северянка*, *скандинавка*, *степнячка*, *таджичка*, *финляндка*, *фламандка*, *швейцарка*, *шотландка*, *эскимоска*, *эстонка*, *эфиопка*, *южанка*, *юитка* (от *юит* – азиатский эскимос), *японка*, *якутка* и мн. др. Выше уже говорилось о том, что феминитивы в словаре всегда удо-

стаиваются отдельной словарной статьёй. Но такое положение часто обусловлено отсутствием единства аффиксальной морфемы при образовании феминитива. Для данной группы наименований, образованных по одной и той же модели, казалось бы, необходимости в отдельной словарной статье нет, но авторы словаря последовательны в подаче и данной группы слов. Это, по-видимому, связано с наличием морфонологических процессов в некоторых из них (см., например, историческое чередование в словах *казашка*, *степнячка*, усечение мотивирующей базы в слове *полька* и т. д.). Соответствующие имена существительные мужского рода типа *таджик*, *юкагир*, *белорус* и пр. даны в словарной статье, заглавное слово которой находится в форме множественного числа: **ТАДЖИКИ**, ов, ед. ик, а, м. – народ иранской языковой группы, составляющий основное население Таджикской ССР [ТСРЯ 1940, т. 4: 634].

Словарь позволяет установить несомненную продуктивность для словопроизводства феминитивов суффикса *-к(а)*. Конкуренцию ему могут составить только суффиксы *-ниц(а)*, *-чиц(а)*/*-щиц(а)*. Данные суффиксы создают феминитивы, отличающийся от мотивирующей базы именно семой «женскости». Дополнительных смыслов (например, эмоциональной оценки) в случаях использования данных аффиксов не возникает. Остальные суффиксальные морфемы следует охарактеризовать как малопродуктивные, к ним относятся *-иц(а)*, *ин(я)*/*-ын(я)*, *-есс(а)*, *-ис(а)*, *-их(а)*, *-ј(я)*, *-х(а)*, *-ух(а)*, *-ин(а)*, *-н(а)*, а также нулевой суффикс. К тому же некоторые из них тяготеют к образованию либо феминитива, называющего жену (например, *-их(а)* и *-ш(а)*), либо их использование приводит к образованию стилистически сниженной единицы. В период работы над словарём этот потенциал суффиксальных морфем мог и не проявиться, однако позднее у слов, созданных при помощи указанных морфем, появлялась стилистическая маркированность. Например, у слова *библиотекариша* в ТСРЯ нет стилистической пометы, а в четырёхтомном «Словаре русского языка» оно фиксируется с пометой *разг.* [СлРЯ, т. 1: 89].

Говоря о стилистически и эмоционально маркированных феминитивах, от-

метим, что эти их качества могут зависеть от происхождения аффиксальной морфемы. Например, в словаре зафиксировано слово *экскурсовод*, но нет ни одного феминитива, хотя женщины-экскурсоводы в период создания словаря, конечно же, существовали. Однако потенциальные слова вроде *экскурсоводка*, *экскурсоводша*, *экскурсоводиха*, вероятно, показались авторам непригодными для обозначения деятельности, требующей глубоких и обширных знаний и высокой специальной подготовки. Связано это с тем, что эти образования созданы при помощи морфем, актуальных для просторечия и диалектов, а звуковой состав слова *экскурсоводка*, кроме того, содействует снижению представления о высокой миссии экскурсовода, поскольку может создать курьёзное соотношение со словом *водка*. Любопытно, что юмористический ресурс «Феминизатор» не даёт ни одного из указанных потенциальных слов, предлагая следующие: *экскурсоводесса*, *экскурсоводиня*, *экскурсоводица*, что, по-видимому, связано с иноязычным характером мотивирующей базы. Однако именно одно из образованных с помощью исконной морфемы слов (*экскурсоводша*) всё же используется в современной речи. Так, в основном корпусе НКРЯ обнаруживается 22 текста, в которых оно упоминается 41 раз, причем, как правило, контекстуальное окружение слова не оставляет сомнений в негативной оценке обозначаемого им персонажа:

И в Ялте тоска его была какой-то особенно творческой? – Хороший вопрос! – обрадованно сверкнула очками экскурсоводша. – Прекрасный вопрос, дорогие друзья! (Воропаев О. Предзимний сезон);

Но там все обернулось иначе: нашего вольнодумного гида заменила экскурсоводша совсем другого склада (Васюченко И. Хромые на склоне).

Анализ показывает, что стилистическая окраска новообразования, как правило, наследуется или снижается именно при использовании исконно русского суффикса. В случае использования заимствованной морфемы *-есс(а)* она может, наоборот, повыситься, как в парах *патрон* («покровитель») – *патронесса*, *поэт* – *поэтесса*. Феминитивы получают в данных парах помету *книжн.*, тогда как мотивирующие существительные фиксируются в словаре как

стилистически нейтральные.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, кроме того, является ценным источником для наблюдений над конкуренцией словообразовательных моделей. Так, в анализируемом источнике зафиксированы феминитивы *юбилярка* и *юбилярша*, причем оба они отмечены как стилистически и эмоционально окрашенные, поскольку их характеристика содержит пометы *разг.* и *фам.* Сравнение с данными словарей, изданных в конце XX века, например, с СЛРЯ позволяет сделать вывод о победе второго варианта: «*юбилярша* – *разг.* женск. к *юбиляр*» [СЛРЯ, т. 4: 773]. Обращение к основе подкорпуса НКРЯ показывает весьма редкое употребление в художественных текстах варианта *юбилярка* (в газетном корпусе оно не зафиксировано вообще), при этом один из двух предлагаемых в корпусе текстов содержит все возможные варианты обозначения женщины-юбиляра и рекомендации носителя языка не использовать именно этот вариант:

Если бы юбилярка, принимая от него этот труд, спросила бы, что он хочет в награду, он заговорил бы не о деньгах, не о лауреатстве (Полонский Г. Мой тесть);

Но тут поднялся Шубин, взявший на себя роль тамады: – Позвольте начать застольную церемонию традиционным тостом в честь юбиляра. – В честь юбиляриш! – поправила его жена, большегрудая «кошелка» пенсионного возраста, ну прям сороковая бочка. – А может, в честь юбилярки? – весело упирался Шубин. – Разве в этом суть? Суть в том, Катерина, чтобы ты всегда была с нами. За столом замуемли, в изобилии посылались пожелания здоровья (Салуцкий А. Немой набат).

Выводы

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова – это ценный источник сведений об эпохе, когда произошло серьёзное расширение группы феминитивов. Язык эпохи создания словаря требовал отражения изменений в положении женщины после революционных событий 1917 года. Феминитивная лексика пополняется в этот период главным образом за счёт новообразований, связанных с профессиональной и общественной деятельностью женщины. Однако процесс создания новых слов протекал стихийно и действительно требовал упорядочения воз-

никших в результате словотворчества языковых единиц. Создатели словаря, безусловно, ставили перед собой подобную задачу. Уже сам факт включения феминитива в словарь, его всесторонняя семантико-стилистическая характеристика является не просто фактом фиксации нового слова в языке, но и свидетельством его потенциальной жизнеспособности. Словари, изданные в более позднее время, а также материалы НКРЯ показывает, что в подавляющем большинстве случаев авторы ТСРЯ не ошиблись в выборе слов, многие из которых используются в русском языке и по сей день.

Обращение к анализу структурно-семантических и стилистических особенностей зафиксированных в словаре феминитивов и их языковедческий анализ, отраженный в системе помет, свидетельствуют о том, что отбор лексики производился не только на основе количественных показателей (частотность употребления слова), но и с учётом языковой личности, транслирующей данную лексику. Авторитетными источниками при этом стали носители литературной нормы. Представляется, что подобные ориентиры позволили составителям словаря избежать включения в его состав заведомо неудачных образований.

Несомненным положительным моментом в лексикографическом описании феминитивной лексики стало использование пометы *нов.* Это избавило составителей от необходимости стилистической оценки тех единиц, которые возникли в языке недавно и их стилистический статус не вполне определен, хотя частотность употребления требовала включения в словник.

Анализ деривационных особенностей феминитивов показывает активное использование исконных словообразовательных средств в процессе создания новой лексики. Словарь демонстрирует форми-

рование ядра аффиксальных морфем, при помощи которых образуются феминитивы – суффиксы *-к(а)*, *-ниц(а)*, *-щиц(а)/-щиц(а)*. Именно данные морфемы становятся чаще всего маркером феминитива, создающегося в начале XX столетия. В словообразовательном значении создающейся при их помощи лексической единицы в полной мере отразились серьёзные изменения в социальном положении женщины: новые феминитивы не имеют значения «жена лица, названного мотивирующей основой», все они связаны исключительно с профессиональными, политическими, общественными функциями женщины. Тенденция к расширению группы феминитивов прежде всего именно за счёт подобных новообразований продолжается и в современном русском языке. Использование исключительно суффикса *-к(а)* для создания феминитивов не всегда даёт удачные результаты, но это, по-видимому, попытка выработать единое средство для обозначения феминитивности именно с целью называть женщину по её профессиональной и общественной функции. Суффикс *-к(а)*, в отличие от других суффиксов, чаще всего не придаёт эмоциональной оценочности феминитиву, а потому представляется носителям русского языка самым адекватным для выражения указанного грамматического значения.

В заключение отметим, что обнаруженная авторами словаря тенденция к увеличению группы феминитивов особенно отчётливо видна при сравнении с теми словами, которые называют женщин, но не связаны деривационными отношениями с номинациями мужчин. Как отмечают исследователи [Баданина 2012], эти слова, в отличие от феминитивов, обнаруживают тенденцию к перемещению на языковую периферию.

Литература

- Аликина, А. В. Репрезентация гендера в российском дискурсе трудоустройства / А. В. Аликина // Вопросы психолингвистики. – 2021. – № 3 (49). – С. 30–45.
- Баданина, И. В. Номинации женщин в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940) / И. В. Баданина // История и современность филологических наук : Международная научная конференция. – М. : Книгодел, 2012. – Т. 1. – С. 24–27.
- Баданина, И. В. Функционирование феминитивов в языке интернета / И. В. Баданина // Русский язык в интернете : личность, общество, коммуникация, культура : I Международная научно-практическая конференция. – М. : РУДН, 2017. – С. 89–94.

- Беркутова, В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект / В. В. Беркутова // *Филологический аспект*. – 2018. – № 11 (43). – С. 6–22.
- Васильева, А. С. Наименования лиц женского пола в русском языке начала XXI века : семантика, структура, функционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Васильева. – М., 2016. – 28 с.
- Гузаерова, Р. Р. Феминитивы в русскоязычном медиапространстве : словообразовательный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. Р. Гузаерова. – М., 2016. – 25 с.
- Захарчук, Е. А. Феминитивы в коммуникативном пространстве современности : проблемы словообразования и словоупотребления // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания* / Е. А. Захарчук. – 2021. – Т. 40, № 3. – С. 378–387.
- Лаппо, М. А. Параметризация базы данных узуальных и неuzuальных феминитивов / М. А. Лаппо, Н. И. Малиновская // *Вопросы лексикографии*. – 2020. – № 18. – С. 52–72.
- Лебедева, Т. Е. Образование парных наименований женского пола (феминативов) как реализация общерусской тенденции пополнения словарного состава / Т. Е. Лебедева // *Art logos (Искусство слова)*. – 2023. – № 2. – С. 125–41.
- Левашов, Е. А. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова / Е. А. Левашов // *История русской лексикографии : коллективная монография*. – СПб. : Наука, 1998. – С. 246–256.
- Никитин, О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») / О. В. Никитин // *Русский язык в научном освещении*. – 2004. – № 7 (1). – С. 195–228.
- Никитин, О. В. Языковая политика 1930-х гг. и «Ушаковский словарь» / О. В. Никитин // *Микроязыки. Языки. Интеръязыки : Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко*. – Tartu: Tartu University Press, 2006. – С. 459–474.
- Никитин, О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари) : монография / О. В. Никитин. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. – 231 с.
- Никитин, О. В. Ушаковская эпопея : неизвестные страницы знаменитого словаря / О. В. Никитин // *Русская речь*. – 2016а. – № 3. – С. 51–62.
- Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг. : борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // *Мир русского слова*. – 2016б. – № 3. – С. 27–40.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 12.07.2023).
- Ожегов, С. И. Памяти Д. Н. Ушакова : 10 лет со дня смерти / С. И. Ожегов // *Словарь и культура русской речи : К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова*. – М. : Индрик, 2001. – С. 450–451.
- Русская грамматика : в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1935–1940. – Т. 1–4.
- СлРЯ 1981 – Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 1–4.
- Шкаликов, М. М. Феминитивы в русскоязычном коммуникативном пространстве современности : генезис и эволюция / М. М. Шкаликов, М. С. Нагорная // *Управление в современных системах*. – 2022. – № 4. – С. 67–76.
- Янко-Триницкая, Н. А. Наименования лиц женского пола существительными женского и мужского рода / Н. А. Янко-Триницкая // *Развитие словообразования современного русского языка*. – М. : Наука, 1966. – С. 167–210.

References

- Alikina, A.V. (2021). *Reprezentatsiya gendera v rossiiskom diskurse trudoustroistva* [Gender Representation in the Russian Recruitment Discourse (in Job Advertisements and CVs)]. In *Voprosy psikhologivistiki*. No. 3 (49), pp. 30–45.
- Badanina, I. V. (2012). *Nominatsii zhenshchin v Tolkovom slovare russkogo yazyka pod. red. D. N. Ushakova (1935-1940)* [Nominations of Women in the Explanatory Dictionary of the Russian Language Edited by D. N. Ushakov (1935-1940)]. In *Istoriya i sovremennost' filologicheskikh nauk: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*. Vol. 1. Moscow, Knogodel, pp. 24–27.
- Badanina, I. V. (2017). *Funktsionirovanie feminativov v yazyke interneta* [The Functioning of Feminatives in the Language of the Internet]. In *Russkii yazyk v internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura: I Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. Moscow, RUDN, pp. 89–94.
- Berkutova, V. V. (2018). *Feminitivy v russkom yazyke: istoricheskii aspekt* [Feminatives in the Russian Language: Historical Aspect]. In *Filologicheskii aspekt*. № 11 (43), pp. 6–22.
- Guzaerova, R. R. (2021). *Feminitivy v russkoyazychnom mediaprostranstve: slovoobrazovatel'nyi aspekt* [Feminatives in the Russian-speaking Media Space: The Word-formation Aspect]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan. 25 p.

Lappo, M. A., Malinovskaya, N. I. (2020). Parametrizatsiya bazy dannykh uzual'nykh i neuzual'nykh feminitivov [Parameterization of the Database of Casual and Non-casual Femininitives]. In *Voprosy leksikografii*. № 18, pp. 52–72.

Lebedeva, T. E. (2023). Obrazovanie parnykh naimenovaniy zhenskogo pola (feminitivov) kak realizatsiya obshcherusskoi tendentsii popolneniya slovarnogo sostava [The Formation of Paired Female Names (Femininitives) as Implement of the All-Russian Trend of Vocabulary Replenishment]. In *Art logos (Iskusstvo slova)*. № 2, pp. 125–141.

Levashov, E. A. (1998). Tolkoviy slovar' russkogo yazyka pod redaktsiei D. N. Ushakova [Explanatory Dictionary of the Russian Language Edited by D. N. Ushakov]. In *Istoriya russkoi leksikografii* [History of Russian Lexicography]. Saint Petersburg, Nauka, pp. 246–256.

Nikitin, O. V. (2004). Zabytye stranitsy russkoi leksikografii 1920-kh gg. (predystoriya “Ushakovskogo slovary”) [Forgotten Pages of Russian Lexicography of the 1920s. (Prehistory of the “Ushakov’s Dictionary”)]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 7 (1), pp. 195–228.

Nikitin, O. V. (2006). Yazykovaya politika 1930-kh gg. i “Ushakovskii slovar” [Language Policy of the 1930s and the Ushakov Dictionary]. In *Mikroyazyki. Yazyki. Interyazyki: Sbornik v chest' ordinarnogo professora Aleksandra Dmitrievicha Dulichenko*. Tartu, Tartu Univ., pp. 459–474.

Nikitin, O. V. (2012). *Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovari): monografiya* [Essays on the History of Russian Lexicography of the First Half of the 20th Century (Explanatory Dictionaries). Monograph]. Slavyansk-na-Kubani, Izdatel'skii tsentr filiala “KubGU” v g. Slavyanske-na-Kubani. 231 p.

Nikitin, O. V. (2016a). Ushakovskaya epopeya: neizvestnye stranitsy znamenitogo slovary [Ushakov’s Epic: Unknown Pages of the Famous Dictionary]. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 51–62.

Nikitin, O. V. (2016b). Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg. : bor'ba idei i ideologii (iz istorii sozdaniya i obsuzhdeniya “Tolkovogo slovary russkogo yazyka” pod redaktsiei D. N. Ushakova [Domestic Lexicography in the 1930s: the Struggle of Ideas and Ideologies (from the History of the Creation and Discussion of the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 27–40.

NKRYA – *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (mode of access: 12.07.2023)

Ozhegov, S. I. (2021). Pamyati D. N. Ushakova: 10 let so dnya smerti [Memory of D. N. Ushakov: 10 Years since His Death]. In *Slovar' i kul'tura russkoi rechi: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova*. Moscow, Indrik, pp. 450–451.

Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Moscow, Nauka, 2012. Vol. 1–2.

SLRYA – *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkii yazyk, 1981. Vol. 1–4.

Shkalikov, M. M., Nagornaya, M. S. (2022). Femininitives in the Russian-speaking Communicative Space of Modernity: Genesis and Evolution. In *Upravlenie v sovremennykh sistemakh* [Management in modern systems]. № 4, pp. 67–76.

TSRYA Ushakova – Ushakov, D. N. (Ed.). (1935–1940). *Tolkoviy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, OGIK, Vol. 1–4.

Vasil'eva, A. S. (2016). *Naimenovaniya lits zhenskogo pola v russkom yazyke nachala XXI veka: semantika, struktura, funktsionirovanie* [Names of Female Persons in the Russian Language of the Beginning of the XXI Century: Semantics, Structure, Functioning]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 28 p.

Yanko-Trinititskaya, N. A. (1966). *Naimenovaniya lits zhenskogo pola sushchestvitel'nyimi zhenskogo i muzhskogo roda* [Names of Female Persons by Feminine and Masculine Nouns]. In *Razvitie slovoobrazovaniya sovremennogo russkogo yazyka*. Moscow, Nauka, pp. 167–210.

Zakharchuk, E. A. (2021). Femininitives in the Communicative Space of Modernity: Problems of Word Formation and Word Usage. In *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya*. Vol. 40, № 3, pp. 378–387.

Данные об авторе

Щербакowa Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры предметных технологий начального и дошкольного образования, Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия).

Адрес: 644099, Россия, г. Омск, Набережная им. Тухачевского, 14.

E-mail: nata.ro@mail.ru.

Author's information

Shcherbakova Natalia Nikolayevna – Doctor of Philology, Professor of Department of Subject Technologies of Primary and Preschool Education, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

Дата поступления: 02.10.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 02.10.2023; date of publication: 30.12.2023